

Детектив Фантастика

Юрген Байконур

АРХИВ

III

**Живец на живца
Пересечения**

16+

Юрген Байконур

**Архив 3. Пересечения,
Живец на живца**

«Автор»

2015

Байконур Ю.

Архив 3. Пересечения, Живец на живца / Ю. Байконур —
«Автор», 2015

«Архив» — общее название серии повестей, включающих элементы детектива, приключений, фантастики. Действия разворачиваются в первой половине XX века и в настоящее время. Место — Россия. Книга состоит из трех частей: 1. «Троль» и «Морское танго»; 2. «Четвертый элемент» и «Зерна»; 3. «Пересечения» и «Живец на живца».

© Байконур Ю., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Пересечения, Живец на живца	5
2	7
3	9
4	11
5	14
6	16
7	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юрген Байконур

Архив 3. Пересечения, Живец на живца

Пересечения, Живец на живца

1

Пересечения

Общаясь с Иваном Смагиным длительное время, я научился терпеть и ждать. Однако на этот раз пауза безвестности и молчания неприлично затянулась. Я привык к его длительным и неожиданным исчезновениям и не считал себя вправе назойливо напоминать ему о своём существовании и уж, тем более, вынуждать к общению. Мы – люди взрослые, и каждый строит свои отношения с окружающим нас многосложным миром по своему разумению. Это разумение может иногда входить в противоречие с разумением наших близких, но никто не знает, где границы этого противоречия. Каждый устанавливает их сам и сам же определяет, где есть лёгкий недочёт, где заметная неуклюжесть и где явный перебор. В наших с Иваном отношениях эти границы были подобны горизонту.

Иван позвонил мне, как всегда, неожиданно. Предложил прокатиться по городу и полюбоваться «офисно-торговыми пейзажами». Я согласился. Поговорить он не предлагал, посему никаких формальных претензий к его молчаливому пребыванию за рулём я предъявить не мог. Признаюсь, я очень надеялся на откровенную беседу и предположил: прогулка – это повод. Но человек предполагает... Тот факт, что надежда моя оказалась тщетной, злил и провоцировал на настойчивость.

Иван припарковался рядом с открытым кафе – несколько столиков под зонтиками. Он молчал, я мужественно боролся с самим собой, мелкий дождик капал на стекло, посетители заведения с тревогой посматривали на небо, прохожие спешили по своим делам. Иван задумчиво смотрел в сторону цветастых зонтиков, я пытался понять его странное поведение и пришёл к выводу, что с этим местом, уж, не знаю, прямо или косвенно, связана причина длительного отсутствия и не менее длительного молчания моего приятеля.

– Ты прав, – сказал Иван, – вот здесь всё началось. – И замолчал. Включил дворники, хотя, на мой взгляд, в этом ещё не было необходимости, вздохнул и внёс некоторую ясность: – Для меня – началось. А что касается приключения моего – врагу такого не пожелаешь! – то оно началось чуть раньше и не здесь.

– Опять генерал? – спросил я.

– Главным образом – моё легкомыслие и отвратительный характер. Но и Анатолий Корнеев – тоже.

– По поводу ваших душевных качеств, мой друг, у меня иллюзий давно нет – нет такой пакостной истории, куда бы вы добровольно не влипли. Так что генерал – это логическое продолжение вашей неисправимой сущности.

Иван промолчал, я понял, ему тоже, как и большинству нормальных людей, иногда бывает стыдно, и перешёл в атаку:

– Вываливайте подробности, коллега. Архив Смагина похудел, и эта потеря нуждается в восполнении.

– Не возражаю. Продолжим у меня дома.

– Теперь уже можно? – спросил я не без явного сарказма.

Поясняю своё дерзкое поведение. За время исчезновения Ивана с моего жизненного небосклона я неоднократно и не совсем корректно набивался к нему в гости, но он под различ-

ными предложениями, а то и вовсе без таковых, отказывал мне – тупо отнекивался, бессовестно врал, «уходил нырками», в общем – явный моветон, что тут говорить. Несколько раз мы общались в телефонном режиме и мимоходом встречались. Но всё это проходило в таком нелепом формате, что и вспоминать неловко.

– Теперь можно, – тихо сказал Иван. – Теперь всё можно. Или почти всё.

– А кафешка зачем?

– Какая? – вздрогнул Иван.

– Вот эта, на которую ты уже несколько минут пялишься.

– Несколько минут? – удивлённо спросил Иван. Задумался, выключил ненужные дворники, пригляделся, как мне показалось, к посетителям и по своему обыкновению напустил тумана: – Всему своё время. Сначала ко мне. Затем архив, затем всё остальное, с ней связанное.

– С ним, – поправил я.

– С кем с ним? – удивлённо переспросил Иван.

– Если речь о кафе, то с ним! – пояснил я с чувством гордого превосходства.

– Если кафешка, то – с ней! – продемонстрировал непоколебимость характера мой друг

Иван Смагин.

И я понял: всё возвращается на круги своя.

2

Живец на живца

Москва. Кремль.

Во исполнение решения Совнаркома
от 15 марта 1921 года организовать
Управление режимных расследований (УРР).

Руководство отделом поручить
тов. Смагину Андрею Викторовичу.

Архив Смагина.

УРР. Дело 25.6.32. «Живец на живца»

Майским вечером 1932 года в Батуме не на шутку разыгралась непогода. Резкий ветер поднял клубы пыли, погнал и закрутил мусор, застучал песчинками и мелким камушками по оконным стёклам. Зашумели собаки. Длилась вся эта катавасия недолго. Непогода стихла так же внезапно, как нарушила покой этого обычного дня. Вдали слабо прогремел гром, через несколько минут пошёл дождь.

К двери гостиницы подошёл мужчина средних лет, одетый в просторный светлый костюм, ворот пиджака поднят, но от назойливого мелкого дождя не спасал. Под козырьком чердачного окна дома напротив от небесной напасти спрятались голуби. Дождь отбивал свою монотонную мелодию на черепице. Её нарушило тихое утробное звериное урчание. Голуби взлетели.

Мужчина открыл дверь гостиницы. Позади него на дорогу упал и мягко шлёпнул по лужице какой-то небольшой предмет. Мужчина ничего не услышал, вошёл и, понятно, не увидел валяющуюся на мокрой дороге оторванную голубиную голову.

За обшарпанной сохранившейся со времён дальних стойкой сидел администратор. Возле стойки стоял в слегка промокшем костюме швейцар. Перед ним гармонично красовался высокий стакан с вином. Швейцар медленно и нехотя отодвинул его в сторону. Вошедший достал из кармана носовой платок, развернул, аккуратно вытер лицо, подошёл к стойке, устало улыбнулся. Администратор, красавец-грузин и по первому впечатлению весельчак и душа-человек, посмотрел на гостя с явным недовольством, даже опаской. Пауза затянулась, посетитель был готов сыграть на стойке сонату нетерпеливого ожидания, но передумал и начал разговор первым:

– Вечер добрый. Мне бы переночевать.

Администратор с сомнением посмотрел на швейцара. Тот отвёл глаза и стал внимательно разглядывать закрывающие окно шторы.

– Есть одна комната. Но она... не очень удобная, – ответил администратор.

– И что вас смущает? Мне только переночевать...

– Дело в том, что там, в этой комнате, постоялец сошёл с ума ... Недавно...

Мужчина участливо вздохнул, но был настойчив:

– Не каждый же день такое случается...

– Ну, всё же... Он среди ночи выскочил из комнаты, упал с лестницы, сломал руку... И ничего не смог рассказать, так и увезли...

Гость, встретивший такое странное сопротивление вполне понятным намерениям, повернулся, посмотрел на окно. По стеклу стекала дождевая вода.

– Надо же... – не скрывая снисходительного недоверия сказал он. – Не ночевать же мне на улице...

Администратор нерешительно встал, взял с полки ключи, пошёл через фойе к коридору. Мужчина последовал за ним. В полной тишине, слегка разбавляемой шумом дождя, они мино-

вали коридор, подошли к довольно ветхой деревянной лестнице. Администратор ступил на скрипучие ступеньки, упрямый постоялец последовал за ним. Распорядитель желанного жилья вставил ключ в замочную скважину, повозился больше обычного, пару раз чертыхнулся и открыл дверь.

– Замок барахлит, дверь лучше не закрывать, – тихо сказал он и услужливо пропустил в комнату своего усталого спутника.

Мужчина с надеждой и радостью посмотрел на аккуратно застланную кровать и благодарно кивнул. Неразговорчивый администратор неплотно прикрыл дверь и осторожно пустился в обратный путь. Ступеньки скрипели, он что-то невнятное бормотал, задавал себе немые вопросы и тут же отвечал на них замысловатыми жестами.

Постоялец спокойно не без любопытства осмотрел комнату. Окон не было, номер хорошо освещался мощной элетролампой, висящей на длинном шнуре. Апартаменты, конечно, не заграничные, но переночевать можно – кровать, небольшой стол, тумбочка, шкафчик, что ещё надо командировочному?

Незнакомец уснул быстро, свет тушить не стал – странный разговор с вечерними хозяевами гостиницы всё же дал свои результаты. Объятия морфея оказались не столь гостеприимными, как он надеялся. Что именно его разбудило, он определить не смог. Открыл глаза, глянул на висящий на стуле костюм, посмотрел вверх – лампа слепила. На сиденье стула лежали часы. Мужчина недовольно и с беспокойством посмотрел по сторонам, взял часы. Время 3.40.

Его взгляд скользнул по комнате и упёрся в потолок. В потолке бесшумно и медленно поползла в сторону крышка люка, который он ранее не заметил. Постоялец замер. Крышка полностью сдвинулась...

Администратор дремал за стойкой, швейцар пристроился в большом мягком кресле. Первый дремал, второй крепко спал. Их покой нарушил дикий крик и последовавший за ним грохот. Администратор вскочил и дурковато осмотрелся по сторонам, перекрестился. Шум не прекращался, отчаянный крик повторился. Пробудившийся и выскочивший из кресла швейцар прибавил администратору смелости. Они, не спеша и не без страха переглядываясь, двинулись по коридору в сторону уже известной нам деревянной лестницы. Постоялец лежал у её подножия, не шевелился. Администратор и швейцар настойчиво уступали один другому дорогу, однако к лежащему в трусах и майке гостю подошли одновременно. Он ничком лежал на полу, не двигался. Администратор попытался нащупать пульс, но история была не киношная, всё происходило наяву, посему наш герой, кроме набата в собственных висках и предательской дрожи в собственных пальцах ничего не ощутил: может, жив, может, нет.

На полу лежал писатель Константин Паустовский. В эту злосчастную гостиницу его привела творческая судьба – он приехал в Грузию собирать материал для известной ныне повести «Колхида».

3

Пересечения

Человеку сугубо штатскому трудно представить, что вокруг его положительной во всех отношениях персоны могут происходить тайные, сложные, нелицеприятные и, как ни парадоксально, управляемые вещи. Иван имел не известное мне военное прошлое, но было оно кратким и далеко не генеральским. Так что с известной уверенностью его вполне можно отнести к категории штатских граждан. Иван не был наивным, но даже он не предполагал, что «тайная война», с которой он лишь слегка соприкоснулся, шла так развёрнуто и масштабно.

И в личных беседах с глазу на глаз, и на совещаниях, проходивших в довольно широком составе, генерал Корнеев подчёркивал особый статус группы «Невмешательство», где оперативный упор был сделан на аналитическую работу. Именно этим фактором Иван объяснял себе вольность генерала в формировании штата «привлечённых» консультантов, к коим он и был отнесён.

Оказавшись в составе оперативной группы на загородном пустыре, возле заброшенного колодца с обрезанными и украденными кабелями, Иван с печалью и злобой смотрел на два чёрных полиэтиленовых мешка с трупами и вспоминал начальствующие рассуждения об организационном оружии. Было сказано немало слов о косвенном воздействии на экономические, вытекающие из них политические процессы с целью придания им «нужной векторности». Но тематика жёсткого криминала, разложившихся человеческих останков, как составной части этой войны, была дипломатично опущена.

Справедливости ради следует сказать, что Иван как лицо привлечённое, своего рода вольный стрелок, мог и не участвовать в этой неприятной акции. Но тогда бы он потерял первичную информацию, а в работе это большой минус. А работать с минусом было не в его правилах. Стоявший рядом кадровый оперативник Степан Волошин, с которым он довольно быстро установил приятельские отношения, не совсем к месту, как посчитал Иван, подмигнул и не без заметной бравады, кивнув в сторону чёрных мешков, спросил:

– Не привык ещё?

– Нет. И не привыкну, – ответил Иван.

– Ничего, дело наживное... – неуклюже продолжил неудобную тему Степан.

Иван промолчал. Группа была подключена к расследованию дела о торговле людьми, где было несколько ответвлений, в том числе торговля человеческими органами. Ему было присвоено название «Генерация». Высокая цель – борьба за здоровье, свободу, часто жизнь человека должна была затмить сопутствующий дискомфорт. И затмевала. Но не всегда. Два новых трупа слегка подсветили звено цепочки, ведущей к вершине криминальной пирамиды, но это был только маленький и неуверенный шаг к раскрытию преступной организации. Иван это хорошо понимал и надеялся, что и Степан это понимает. Но, видно, годы, проведённые сыске, сказывались. Степан горячился:

– Это глотовские штучки... Пока экспертиза, пока крючкотворство – время летит. Плётёмся в хвосте – нас постоянно опережают. Надо сменить акценты в работе, нужен силовой, даже демонстративно-агрессивный вариант – на упреждение... Растревожим улей, и дело пойдёт...

Рассуждая о виде «предпринимательской» деятельности закоренелого преступника, Иван старался не углубляться в моральную сторону вопроса, чтобы лишний раз не трепать себе нервы. Чем страшнее дело, тем меньше должно в его расследовании присутствовать эмоций – такую он сделал себе установку и старался ей руководствоваться.

И дело не только в эмоциях. Тупо гребущий бабло дегенерат был, безусловно, фигурой страшенькой. Но не основной. В этом Иван был уже убеждён. Он не раз пытался нарисовать в своём воображении мрачный образ таинственного кукловода. Ничего не получалось, даже в общих чертах – только игра серых теней и чёрное пятно на их фоне. Он пытался придать пятну узнаваемые черты, но как только что-то начинало вырисовываться, мощная кисть смазывала штриховые наброски.

Никакой мистики, успокаивал себя Иван: недостаток информации порождает избыток фантазии, в данном случае – голодной на факты и злой фантазии. Если проявить терпение, оперативный прагматизм, через Глоту можно было выйти наверх, можно было. И поэтому монстра надо терпеть и беречь – до поры до времени. И в такой ситуации провести чёткую грань между вмешательством и невмешательством было трудно. Иван это понимал. И потому его порой коробило от того, что взрослые затеяли взрослую игру, но даже в узком кругу позиционировали себя как недоросли.

Домой Иван попал поздно вечером – было много разговоров, бумаг, встреч. Хотел было позаниматься делами из своей прямой практики, но силы покинули. Пустота в голове полная. Пока Иван, выжатый, как лимон, пытался расслабиться в кресле, периодически врывался в эту пустоту поток хаотичной информации, отрывочных мыслей, смелых до абсурдности предположений – впасть в забытие не получалось. Он пытался переключить сознание на вопросы быта, осматривал комнату, в очередной раз рисовал себе картину предполагаемого ремонта и вытекающего из него домашнего уюта.

И в тот момент, когда он дошёл до украшения стены напротив декоративной бамбуковой обрешёткой, уже несколько часов преследовавший его шум в ушах внезапно прошёл, сознание прояснилось. Но лучше не стало. Стресс был вытеснен пока не объяснимым, но явным чувством: что-то в комнате не так. Книга, оставленная вчера вечером на журнальном столике, лежала не на своём месте. Иван хорошо помнил: она была на краю, слегка висела. Кто-то исправил небрежность и положил её более аккуратно. Иван встал, взял издание, открыл на закладке. Точно: не та страница.

Что это – наваждение, игры уставшего разума? Так, идём дальше, надо надеяться, верной дорогой. Осмотрел комнату, коридор. Ещё сюрприз. Вчера он в очередной раз зацепил ногой линолеум и в очередной раз принял окончательное решение устранить это безобразие. Умышленно не стал распрямлять покрытие и оставил задравшийся кусок во всём его неприглядном виде – чтобы, увидев его по приходу домой, вспомнить о своих благих намерениях. Точно, так оно и было. А теперь? Линолеум не топорщится, аккуратно приглажен.

Иван рванулся к компу, включил, подождал, проверил. Нет, захода не было. Получалось, кто-то в полумраке споткнулся о линолеум, пригладил его своей злодейской ножкой, затем шастал по комнате, задел лежавшую на краю стола книгу, она упала, закладка вылетела, и незваному посетителю ничего не оставалось делать, как поднять книгу, вставить на глазок закладку и аккуратно положить источник мудрости на место – с небольшой личной корректировкой.

Выводы? Или в квартире кто-то был. Или пора лечиться. Второе к истине значительно ближе. Валерьянки дома нет и никогда не было. Значит, можно – через силу, конечно, – рюмочку коньячка. Помогло: сон был крепкий, без кошмаров и видений. Утром он улыбнулся своей мнительности. Но полностью от мистического предположения не отказался.

4

Живец на живца

Смагин Андрей Викторович.

Год рождения 1895.

Начальник УРР.

Служит в управлении

со дня основания.

Чуждый мистике яркий оптимист писатель с большой буквы Константин Паустовский, увидевший в ту дождливую ночь в чердачном люке ужасное человекоподобное существо, довольно быстро пришёл в себя. Обошлось без переломов и серьёзных травм, но нервное потрясение оставило в памяти глубокий след.

Прибывшие на место происшествия милиционеры осмотрели чердак, крышу... Ничего. Этот удивительный и ужасный случай писатель не раз пересказывал, уделил ему внимание в своих воспоминаниях...

По больничному двору быстро шли Андрей Смагин и начальник городской милиции товарищ Васадзе. Московский гость был в гражданском, главный милиционер – в новенькой не без шика сшитой форме. Они подошли к стоящему в стороне от других строений одноэтажному дому. У центрального входа, если таковым можно назвать старенькую выдавшую виды дверь, сустились несколько человек в белых халатах, в стороне смиренно стояли две женщины в чёрных платках. По мере приближения начальства медицинский персонал исчез за дверями, остались только женщины, сдвинувшиеся на несколько шагов – в ненадёжную тень негустых деревьев.

Смагин слегка поморщился:

– Двенадцать трупов за два месяца... А раньше спокойно было?

– Терпимо, – сказал Васадзе. Бывало убийств и больше. Бандиты. Но это уже не статистика. Здесь что—то другое.

– Хорошая наука статистика. Но я не по этой части. Здесь, – Смагин указал рукой на морг, – как я понимаю, три трупа. А остальные?

– Похоронили.

– Нельзя было повременить?

– Нельзя, родственники, – твёрдо и спокойно пояснил начальник милиции и добавил, вытерев платком мелкие капли пота со лба: – И погода...

– Понятно. Ну, пойдём.

Открылась дверь, выглянул мужчина в белом халате, вышел и молча вытянулся, ожидая распоряжений, перед Васадзе.

– Осмотреть надо, – неопределённо сказал Васадзе, медработнику этого туманного указания вполне хватило.

Всё трое вошли, длинный коридор, освещение слабое, врач молча шёл впереди.

– Здесь, – сказал он и указал рукой на дверь

Васадзе слегка поморщился, затем начальственно кивнул, дверь открылась. Смагин сосредоточился, вошёл, посмотрел по сторонам. В небольшой комнате четыре стола. Один пустой. На двух покойники, мужчины, прикрытые далеко не белоснежными простынями. Один стол с трупом накрыт полностью. Васадзе чувствовал себя неважно, старался пересилить вполне понятный дискомфорт, достал платок, поднёс к носу, но не приложив, убрал в карман. Доктор заметил, что милиционеру начальнику не по себе, и извиняющимся тоном тихо сказал:

– Жара. Лёд не помогает...

Васадзе понимающе кивнул, взял себя в руки, решительно подошёл к столам с полуприкрытыми покойниками. Трупы имели сильные хорошо видимые повреждения: выросшие, скорее всего, уже здесь, в морге, до огромных размеров гематомы, а также переломы, ссадины. Васадзе показал рукой на тела:

– Вот эти, можно сказать... с большой натяжкой, типичные. Ограбления. Но убийства – какие-то тупые, беспричинные. Не жестокие – дикие. Ни колющих, ни режущих. Словно через молотилку их пропустили. А вот это, – он повернулся к третьему столу, – Это то, из-за чего весь переполох.

Начальник милиции кивнул доктору, и тот решительно снял с трупа простыню. На столе лежала бесформенная, напоминающая мумифицированное человеческое тело масса. Смагин подошёл, внимательно осмотрел то, что процедурно должно называться вещественным доказательством, и вопросительно посмотрел на доктора. Мужчина средних лет недоумённо пожал плечами и отвёл глаза.

– Ясно, сказал Смагин. – Можно закрывать.

Доктор набросил простыню.

– И что экспертиза? – спросил Смагин, обращаясь к Васадзе и искоса поглядывая на медработника.

– Ускоренное разложение тканей, – неуверенно произнёс Васадзе и с надеждой посмотрел на доктора.

– Именно так, – подтвердил представитель самой гуманной профессии и нерешительно развёл руками.

Начальник УРР подошёл к доктору и твёрдо спросил:

– Вы что-то можете сказать? Есть мысли, версии?

– С такими случаями не сталкивался. Это как бы ожёг, обширный ожёг, химический ожёг...

– Кислота или что-то вроде этого? Облили, чтобы следы замести? – спросил Смагин, подошёл к столу, отбросил простыню. Но ведь не замели, материал для идентификации в наличии... Тогда какой смысл? – Закрыв труп.

– Это как бы ожёг изнутри. Словно влили... Как инъекция...

Васадзе смотрел на врача с недовольством, но видя заинтересованность Смагина в диалоге, не вмешивался.

– Хороша инъекция! – только и сказал Смагин и направился к выходу.

На свежем воздухе Васадзе достал из кармана галифе пачку папирос. Смагин покосился – «Герцеговина флор», еле заметно улыбнулся. Милиционер ловко выбил папиросу, предложил гостю.

– Стараюсь сдерживаться, – сказал Смагин. – Но по такому случаю не возражаю. – Взял папиросу, прикурил от спички, предложенной милиционером, затянулся, одобрительно кивнул.

Васадзе прикурил от той же спички, дунул на неё – затушил, покрутил в руке, посмотрел по сторонам и положил в спичечный коробок. Смагин бросил на него одобрительный взгляд, к месту вспомнив, что одной из характеристик начальника батумской милиции была названа любовь к порядку и чистоте.

– По остальным девяти какой расклад? – спросил он.

– Три тяжёлых – как тот кошмар. Это когда тело разлагается... А шесть... Из этих шести два – уличные, обычное дело, гоп-стоп. Остальные – квартирные. И как через молотилку. Многочисленные ушибы, переломы.

– То есть, общая картина. Четыре тяжёлых – с разложением. И шесть с тяжёлыми повреждениями, дикими как ты говоришь. Два обычные. Что сам думаешь?

– Не знаю, что и думать. Осмотрели всё внимательно. Какие—то случаи несвязные. У одних было, что брать. И взято. Другие с хлеба на воду. Следов нет. Сила у преступника или преступников звериная. И ловкость. Проникали в основном через окна.

– Мне б документики посмотреть. Сотрудника своего пришлю. Сотрудницу. Пусть ознакомится. С вещдоками. С трупами.

– Хорошо... – задумчиво сказал Васадзе и тут же спохватился: – Только что ж хорошего?

– Ты это о чём? – уточнил Смагин.

– Да так, о своём. Мутная история...

– Слухи поползли?

– Как без них...

– Кабинетик нам выделили?

– Как же не выделить. Помогайте. Думаю, уже можно въезжать. Надолго к нам?

– Это как получится. И насчёт передвижения по городу – не помешало бы...

Васадзе утвердительно кивнул, подумал, усмехнулся и обрисовал ситуацию:

– Я связался с руководителем «Колхидстроя» товарищем Надия. Он предлагал параконное ландо. Но нет у нас специалистов ни по пару, ни по коням. Выпросил я у него полуторку. И наша дежурная имеется.

– Лихо разворачиваетесь! Газеты хвалят.

– С гор хлынула вода. Такое творилось. Но победили стихию, – с искренней гордостью сказал Васадзе. – С такими людьми! Колхидские болота тянутся до Гурийских гор. Осушаем. Будут у нас советские субтропики.

– Будут. Всё у нас будет – и субтропики, и жизнь субтропическая, – глядя вдаль, сказал Смагин.

5

Пересечения

Глота, худой и длинный, как вяленая чехонь, с утра был в приподнятом настроении. Неприятности последних дней его не очень волновали – допущенные потери, парочка непутёвых волонтеров, укладывались в плановые допуски. Потому он не разделял паническое настроение Носаря. Последний орал, сбивался на визг, призывал мочить всех подряд, словом, слегка беспредельничал.

Глота налил ему сто пятьдесят виски и толкнул стакан по лакированной поверхности стола. Ёмкость замерла в намеченной точке. Носарь на мгновение прервал свой пылкий монолог, машинально схватил предложенный стакан, залпом выпил. Приятное тепло быстро прошлось тёплой мягкой кисточкой по воспалённым мозгам и затем сползло к ногам. Носарь замолчал, переключился и в очередной раз мысленно похвалил демонические способности шефа.

Глота понимал, что рано или поздно сыскари выйдут и на товарный коридор, и на перевалочную базу – ничто не вечно под Луной. Но чуйка подсказывала, что скорее поздно, чем рано, и потому запасной вариант, опробованный, но не задействованный, надо держать в готовности, но в полной мере не размораживать. Он подошёл к окну и повернулся к Носарю спиной. Подельник понял знак хозяина и, сожалея о своей излишней горячности, неуклюже расшаркался и пошёл к выходу из кабинета. У двери он остановился, осознавая незавершённость ситуации.

– Ждём. Прояснится – начнём, – тихо сказал Глота, не оборачиваясь.

Носарь тупо кивнул и вышел.

Глота не намерен был нервничать с утра – давление, капилляры, тромбы там всякие – и поэтому заставил себя перенести внимание на светлое. Получилось. Вчера на презентации благотворительного фонда возле него крутилась весьма привлекательная женская фигурка. Обаяшечка порхала, разбрасывала улыбки, несколько из них достались всемогущему Глоте. Надо навести справки, подумал он...

Взрыв был слышан и виден издалека. Мягкий мощный хлопок, краткая тишина и затем – крики, шум, паника. Движение на улице застопорилось. Окна офиса вынесло, из них тянулся на улицу лёгкий едкий дымок. Прохожие не пострадали, если не считать случаев различной степени испуга.

Тем утром я пытался связаться с пропавшим, тогда ещё ненадолго, Иваном и договориться о встрече. Он мне ответил невразумительно, дал понять, что чрезвычайно занят. Я не поверил, но не стал оспаривать право приятеля на одиночество. В тот момент я чётко расслышал явно не мне адресованную фразу: «А это ещё что за произведение?» – и решил, что мой друг осчастливил своим присутствием художественную выставку, возможно даже, в компании с Глебом и Машкой.

Я тогда ошибся. Иван, находившийся со своими новоявленными коллегами в офисе Глоты. Он аккуратно перешагнул через упавшую на пол и чудом уцелевшую роскошную настольную лампу и приблизился к нарисованному на полу силуэту – погибшего уже унесли. У силуэта не хватало головы. Вот этот момент он и произнёс свою сакраментальную фразу, обращаясь к Степану Волошину. Тот пожал плечами и отчеканил:

– Снесло напрочь! Отботался...

– Ясное дело, – сказал Иван, понимая, что ничего не ясно, и принял к сведению очевидный факт – правая рука раскинувшегося на полу силуэта была явно укороченной.

И в этот раз Иван не был обязан присутствовать на месте преступления, но его по-прежнему интересовали детали. Иван прошёлся по комнате, осмотрелся, не стал даже в душе корчить из себя эксперта, ограничился личными впечатлениями. Голова была забита мрачными мыслями.

Корнеев как-то обронил в разговоре с глазу на глаз: для Глоты готовится «игрушка» с начинкой. Иван не удивился, ибо незадолго перед этим слышал нечто аналогичное в беседе со Стасом – штатным техническим экспертом, золотой головой и мастером на всё руки.

Но не эти отрывочные факты навевали мрачные мысли. Ивана беспокоило, что Корнеев довёл до него информацию, владеть которой он, Иван, в силу своего служебного положения не мог. Не мог ни при каких обстоятельствах – это было внутреннее дело конторы, и оно не касалось всякого рода привлечённых консультантов. Нарисовался вопрос: зачем немалычику Корнееву нарушать строгие служебные инструкции?

Став носителем информации об устройстве с начинкой, Иван невольно превратился в косвенного участника всего последующего. Иван не знал, как можно было это чудо техники «вложить в руки» Глоты. Но мог предположить, по меньшей мере, две-три возможности такой транзакции. И всё они были сомнительные.

Сомнения Ивана заключались в том, что, по его мнению, новый хозяин «игрушки» скорее рано, чем поздно должен был обнаружить многофункциональность приобретения. Глота – человек осторожный, любой новый предмет, человек, явление, случай непременно должны были стать объектом повышенного внимания со стороны его неординарной персоны и личной охраны.

Находясь под давлением сомнений, мой друг позвонил и предложил встретиться. Не дома, нет – в парке, на скамеечке у фонтана. Я прибыл на randevу вовремя, в означенном месте пребывал Иван, рядом с ним молчаливо восседал Глеб. Встреча получилась скомканная. Иван тупо смотрел на воду. Глеб нехотя, с длинными паузами делился своими творческими планами. Затем привёл пару случаев удачливой охоты со спиннингом, уверяя, что взял судака на щучий воблер. Иван, как известно, – консерватор в рыбалке и восторгов по поводу брендовых рыбацких подвигов не выражал. Я пытался поддакивать, но у меня это плохо получалось.

Затем случилось чудо – Иван оживился и задал нелепый витиеватый вопрос. Передавать его слово в слово не буду – возьму на себя роль переводчика. Вкратце Иван спросил следующее. Какой должна быть новая неожиданно появившаяся у человека вещь, чтобы он, её владелец, не обращал внимания на её особенности, возможно, необычные. Глеб посмотрел на Ивана побратски, но с сочувствием. Я решил поиграть в дипломата.

Миновав драматическую паузу, мы вместе рассмотрели несколько возможных вариантов как гипотетической вещи, так и её обладателя. Выработали оптимальную версию: она, эта вещь – мала, невыразительна, нефункциональна; обладатель её – слеп, бестолков и страдает склерозом. Иван оценил наш креатив, насколько я помню, не обиделся. Но свои выводы, как мне показалось, сделал.

6

Живец на живца

Душно, звёзды – как в тумане, тишина, слышен любой незначительный звук. Тёмная комната. Мирный обитатель Батума охвачен сладким сном. Окно приоткрыто. В свете Луны появляется силуэт руки, рука опускается на подоконник, затем появляется нога, затем вторая. Злоумышленник обладает редкостной силой, ловкостью и растяжкой. Мгновенье, и на подоконнике сидит человеческая фигура в чёрном. Лунный блик на мгновенье выхватывает из темноты лицо. Хорошо, что жертва спит и не видит полный отвращения и ужаса образ. Пока спит, и пока не видит. Злоумышленник бесшумно распахивает окно и мягко спрыгивает в комнату. Слышен довольно громкий стук по крыше. Тишину нарушают отголоски далёкой и непонятной возни, пронзительный краткий визг и утробное урчанье. Хозяин комнаты просыпается. Тёмная фигура бесшумно скользит за шкаф. Мужчина встаёт, подходит к окну, жадно вдыхает тёплый свежий воздух, закрывает окно на шпингалеты, ложится в постель.

Арсентьев Сергей Викторович.

Год рождения 1895.

Сотрудник управления
режимных расследований.

Служит в управлении с 1923 года.

Архив Смагина.

УРР. Дело 25.6.32. «Живец на живца»

Васадзе выделил кабинет, и московские гости вполне сносно обустроились. Поздним утром Смагин, Арсентьев и Сеулин пили чай.

– Вера уехала рано, мы её подвезли, – сказал Арсентьев. – Васадзе нашёл машину, сдержал слово. Я вчера полистал дела, сегодня прошёлся по адресам.

– По всем?

– По всем, кроме двух уличных.

В глазах Смагина вопрос.

– Это те, которых на улице. Гопники.

– Ясно. Быстро, однако.

– Автомобиль – серьёзная поддержка. А два последних – здесь, недалеко. Выпросил велосипед у дежурного.

– Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения, – задумчиво сказал Смагин.

Сеулин Михаил Афанасьевич.

Год рождения 1898.

Сотрудник УРР.

Служит в управлении с дня основания.

Архив Смагина.

УРР. Дело 25.6.32. «Живец на живца»

– Хорошая книга «Золотой телёнок». Недавно второй раз прочитал. Сильная вещь, – вступил в разговор Михаил Сеулин.

– Но спорная, противоречивая, – высказал своё мнение Арсентьев.

Смагин недовольно поморщился:

– Не без этого, не без этого. Ближе к делу, товарищи. Наблюдения, выводы? Кратко!

Арсентьев открыл тонкую папку, достал из неё два листка бумаги, подвинул их начальнику управления.

– Это всё? – спросил Смагин.

– Всё... в кратком изложении.

Смагин углубился в чтение, однако быстро прервал этот неудобный для других присутствующих процесс.

– Схема города есть? – спросил он, обращаясь к Арсентьеву.

– Нет. Пока.

– Надо найти. Места нанести сможешь?

– Город изучил пока слабо, адреса есть, нанесём. Как тут без схемы...

– Привлечёшь кого-нибудь из местных. Я Васадзе предупредил. Схема нужна, подробности, наблюдения, свидетельства – случайные, сомнительные, любые. Всё нужно.

Сеулин понимающе кивнул, допил чай, поднялся и вышел из кабинета. За ним последовал Арсентьев. Смагин посмотрел им вслед, хотел, было, что-то сказать, но махнул рукой и продолжил чтение. Достал из кармана огрызок карандаша, сделал пометки.

Не прошло и минуты, как дверь кабинета резко открылась. Смагин вздрогнул. Ворвался Васадзе, было видно, настроение у него не праздничное.

– Ещё одно убийство. Квартирное.

– Едем? – спросил Смагин.

Васадзе кивнул, достал платок, вытер шею и добавил:

– Меня с утра в горком партии вызывали. Воспитывали.

Смагин встал из-за стола, аккуратно свернул отчёт, положил в карман, оценивающе посмотрел на Васадзе.

– Воспитывали? Это они могут.

7

Пересечения

В пророчества Иван не верил, хотя к мистике вменяемой скептически не относился. Корнеев позвонил утром, поинтересовался, когда будет в конторе. Иван сообщил: нахожусь дома, минут через двадцать-тридцать доберусь. «На машине?» – спросил генерал. «Да, как обычно» – ответил Иван. «Жду, – сказал генерал. – Будьте осторожны!» Так и сказал. Хорошее пожелание! Вот и думай после таких напутствий, что сие означает: проявление заботы и вежливости или имеющее под собой веские основание предостережение?

Возможно, добираясь на работу, Иван пришёл бы к какому-то определённомому ответу на этот вопрос, но его упорные размышления были прерваны. Пошёл слабый дождик – враг водителя, и в тот момент, когда Иван думал, включать дворники или нет, чёрный старый «мерседес» лихо его подрезал и пошёл впереди юзом: первые капли дождя и дорожная пыль – прекрасная смазка. Иван чудом избежал столкновения и, не тормозя, проскочил мимо незадачливого лихача. Если бы нажал тормоз – или столкновение с мерсом или встречная. Пронесло. Но рубашка на спине мокрая.

Лишь минут через десять, когда машина уже была на стоянке, и крутую езду сменила неспешная прогулка по безопасному тротуару, Иван вспомнил заботливое пожелание генерала, и ему стало немного не по себе. Бывает же такое!

Иван зашёл в генеральский кабинет. Обычно Корнеев восседал в начальствующем кресле. На это раз он встретил его стоя и на мгновение посмотрел на него так, словно увидел привидение. Генерал спецслужбы, видящий привидение, это не кисейная барышня, столкнувшаяся с призраком. В его взгляде гармонично сочетались удивление, радость, недоверие и брезгливость. Странная реакция длилась долю секунды, но Иван не мог её не заметить. Не мог он её и понять.

Корнеев поздоровался и пригласил разместиться за совещательным столиком.

На нём находились два небольших белых листка, в которых Иван при ближайшем рассмотрении узрел две лежащие тыльной стороной фотографии. Без предисловий генерал перевернул одну. Иван засёк, что собеседник следит за его реакцией, по телу пробежал неприятный холодок, заработали надпочечники, он ощутил нездоровое волнение.

– Вы его знаете? – спросил генерал.

Иван внимательно посмотрел на фото, взял в руку, покрутил, меняя ракурс. Изображённый на фото худощавый одетый в небрежный узнаваемый пиджачок мужчина средних лет – Сергей Степашин, штатный сотрудник конторы. Конечно, он его знал, но не мог понять, в чём подвох.

– Да, – ответил Иван, посмотрел ещё раз на фото и отметил про себя, что он узнал не только фигуранта, но и плечо, торчащее слева. Попутно отметил про себя, что снимок сделан негласно. Во всяком случае, Сергей не видел, что его снимают. Что касается плеча, то здесь было, о чём задуматься. И за секунды, выпавшие на раздумье, с большой вероятностью предсказал содержание второй фотографии.

Корнеев ловко перевернул листок. Так оно и было. На снимке – тот же Сергей Степашин, а рядом с ним в пол оборота, в профиль – Иван Смагин собственной персоной. Здесь плечо он уже имел счастье рассмотреть более крупным планом. Увеличение изображения отрицательно сказалось на качестве, но детали Ивана не очень-то интересовали. Он пытался вспомнить событие. Сразу не получилось.

– Что из этого следует? – спросил Иван.

– Следует... То, что вы с ним встречались, – ответил Корнеев.

– Неоднократно, – подтвердил Иван и попытался понять, что происходит и что от него хочет напустивший туману начальник. Он решил сделать шаг первым и поинтересовался: – С ним что-то случилось?

– Трудно сказать. Он исчез. Испарился.

– Всякое бывает... – уклончивоотреагировал Иван на тревожную информацию.

– Вы праву, коллега, всякое. Но не с курьером.

Длинные паузы, испытывающий взгляд. Разговор нравился Ивану всё меньше и меньше. Он хотел гордо и независимо замолчать, затем мелькнула мысль встать и уйти. Но понял, не получится – закрутилось что—то серьёзное, исключаящее юношескую задиристость и детскую гордость. Генерал одобрительно кивнул и внёс некоторую ясность:

– Курьер должен был доставить в тайник устройство с начинкой.

– Подарок для Глоты? – уточнил Иван, про себя отметил: недавнее предположение оказалось верным.

– Именно, – твёрдо сказал Корнеев.

Вот вам и невмешательство, вот вам игра на косвенных, это же терроризм, зло подумал Иван и с вызовом сказал:

– Насколько я понимаю, всё получилось, как задумано?

– Что вы имеете в виду? – не без раздражения спросил генерал.

– Глота ликвидирован, – не без вызова ответил Иван.

Корнеев замолчал. Растерянность не прошла, но хоть какая-то векторность обозначилась. Иван понимал: вряд ли его информированность, почерпнутая из общения с другими сотрудниками, есть тайна за семью печатями. Да и силуэт покойного Глоты говорил о многом. Надо было как-то прояснить ситуацию.

– Тайнственное устройство – это телефон, – сделал ход Иван, понимая, что предположение может быть и ошибочным.

– Да, телефон, – без экивоков признал генерал.

Иван прикинул, как же не подвести Стаса, хотя не был уверен, что Стас спит и видит, как бы прикрыть его – чёртова служба! Генерал одновременно и развеял его сомнения, и напустил очередную порцию тумана:

– Легкомысленные разговоры среди сотрудников – страшный бич.

Иван опять начал закипать. Он подготовил пламенную речь о соотношении права и морали в любое, каким бы трудным оно ни было, время. Он хотел заявить, что не одобряет методы работы, которые граничат с терроризмом. Генерал упредил точку кипения:

– Это был не тот телефон, о котором болтал Стас. И пояснил: устройство должно было фиксировать всё – разговоры, изображения, посторонние шумы, перемещения масс, инфракрасные объекты...

Иван растерялся, ему стало крайне неудобно, он устыдился своего неразумного предположения. «Успокойся и включи мозг!» – дал он себе команду. Сработало.

– Подмена? – спросил Иван.

– Да.

– Кто доставил телефон Глоте?

– Агент. Это не наша организация.

– А агент взял из тайника?

– Так точно.

– А в тайник доставил или должен был доставить Сергей?

– Точнее не бывает.

Картина складывалась паршивая. Случайный разговор о продвинутом гаджете не был фантазией. Однако довольно странный и авантюрный проект не сработал – произошла подмена. Варианты сбоя: «изготовитель-контора», «контора-курьер», «курьер-агент», «агент-

Глота». Результат известен – хитромудрому Глоте вместо чуда техники достался аппаратик с взрывчаткой, и даже силуэт на полу выглядел отвратительно.

– Фото откуда? – спросил Иван.

– Вам лучше знать, фон размазан, – ответил генерал, тяжело вздохнул и добавил: – Вы – последний, кто общался с курьером.

– Если последний... Да, такая встреча была, здесь, недалеко, – ответил Иван. Файл нашёлся, и он вспомнил не только встречу, но и некоторые подробности. – Но это вовсе не означает, что я и есть тот последний, кто контактировал с Сергеем. Я был одним из последних, кто объективно зафиксирован. Как снимки попали к вам?

– Это наши маленькие оперативные секреты, – ушёл от ответа Корнеев.

Весёлый разговор, подумал Иван. Курьер исчез, и этот факт однозначно намекает на возможность его, Ивана, участия – вольного или невольного – в этой комбинации.

– Вы назначали встречу Сергею? – спросил Корнеев.

– Нет, это случайность, – ответил Иван. – Я шёл к машине... Столкнулись, поздоровались, поболтали о безделицах и разошлись.

– И всё? – спросил генерал.

– И всё.

...Иван постарался вспомнить разговор с техническим гением Стасом. Детали спрятались в тумане, и это не удивительно, так как тема на тот момент гипотетического устройства выскочила случайно (опять случайно!) и выразилась в намёках, предположениях и смелых проектах.

Кабинет Стаса с большой натяжкой оправдывал название. И можно было бы его смело назвать лабораторией. Но тогда бы родилась путаница: лаборатория как таковая находилась в подвале, а та комнатка, куда без стука ввалился Иван, занимала крайнее положение в длинном плохо освещённом коридоре. Почему без стука? Как Иван объяснил, обитель скрывала от всего земного мира такая старая, облезлая и хлипкая дверь, что стучать по ней было просто неприлично и жестоко.

Стас сидел за столом и перебирал «железо». Какая очередная идея осенила его светлую голову, можно было только догадываться, при этом даже самое смелое предположение имело минимум шансов на истинность. Не в меру худой, довольно высокий, с длинными редкими волосами, аскетическими чертами лица и воспалёнными глазами Стас не производил впечатление физически здорового человека, но мысли и речи его говорили о столь ясном сознании и высоком уме, что всё эти внешние негативчики меркли перед его творческим эго.

Иван принёс очередную партию фактажа, заносимого Стасом в постоянно голодную базу данных. Несколько дней назад гость и хозяин кабинета—лаборатории живо обсуждали некоторые фантастические сюжеты, пришедшие им в голову в связи с анализом компьютерной практики начала девяностых годов.

В те яростные, жёсткие времена в основном «жёлтая» сомнительного – дважды и трижды сомнительного! – происхождения техника лавиной обрушилась на находящийся во взвешенном промежуточном состоянии оплот строителей коммунизма. Огромное количество граждан отвергли казавшиеся вечными и бесспорными заветы и ударились в бизнес.

Компьютерная и оргтехника закупалась по налу, безналу, бартеру – без разбора, и что самое пикантное, всё это олицетворение цивилизации быстро находило себе место в банках и государственных учреждениях, на крупных предприятиях. Руководители этой мощной сферы бытия, получая немислимые откаты, изо всех сил способствовали новациям, и никому не приходило в голову даже задуматься о способах поставки и многочисленных нюансах авангардного технического вооружения. Ну, а что касается программных продуктов, зарождения массового хакерства и особенностей национального генерирования математики, то здесь лучше всего сделать большую—пребольшую лакуну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.